

Л.Махачек

Университет св. Кирилла и Мефодия в Трнаве, Словакия (E-mail: ladislav.machacek@uctm.sk)

Молодежь в Словакии: модернизация и постмодернизация

В статье исследуются жизненные процессы молодежи Словакии в рамках теории модернизации, показаны рост образовательного и культурного уровня населения на протяжении длительного времени и постепенное превращение первоначально патриархально-деревенского общества в общество аграрно-индустриального и городского типа. Благодаря информатизации трансформационные изменения в Словакии достигли не только высоких темпов и высокой степени комплексности, но и перспективности. Автор статьи полагает, что в настоящее время между социологами молодежи в Европе признается не только возникновение новых возможностей свободы выбора, но и появление новых форм угрозы.

Ключевые слова: Словакия, демократизация, модернизация, информатизация, молодежь, политика, культура, общество, социологическая рефлексия, рефлексии угрозы.

Модернизация и ее запаздывание в Словакии

Типичной особенностью восприятия чувства угрозы молодых людей в так называемых посткоммунистических странах является то, что оно связывается лишь с трансформацией социалистической политической и экономической системы. Однако ключевым вопросом остается ...будут ли действовать усвоенные ценностные и институциональные изменения, сконцентрированные для перехода к рыночным условиям и к плюралистической демократии, как стимулы, достаточные для преодоления унаследованной отсталости, к развитию по направлению к информационному обществу... к целому комплексу модернизационных изменений» [1; 150].

Жизненные процессы молодежи в Словакии после 1989 г. можно досконально понять в рамках **теории модернизации**, потому что:

а) она соединяет в единый комплекс такие частичные сегменты модернизации, вытекающие из движения производственных сил, каковыми являются индустриализация, урбанизация и информация вместе с политической модернизацией (плюралистическая и партиципационная демократизация), с социальной модернизацией (рост гражданской свободы и социального равенства граждан), с культурной модернизацией (рост уровня образования и движение всего общества от фундаментализма к рациональности);

б) она учитывает экономический, гражданский, социальный и культурный потенциал (капитал) страны, ее отдельных регионов и ее населения, который формируется и аккумулируется в течение длительного исторического периода.

Словакия представляет собой классический образец, на котором можно проверить действенность теории модернизации, поскольку она с запаздыванием завершает процесс модернизации и одновременно должна решать проблемы институциональной трансформации и глобализации.

Вследствие возникновения первой Чехословацкой Республики в 1918 г. в последующие 20 лет был решен вопрос сохранения национальной идентичности путем укрепления позиции словацкого языка как главного инструмента воспитания и образования молодого поколения, и на этой основе была выполнена модернизационная задача развития грамотности национальной общности.

В Словацком государстве (1939–1945 гг.) развитие высшего образования и подготовка словацкой интеллигенции достигли большого размаха. Большая часть молодой интеллигенции во время Словацкого народного восстания (СНВ — август 1944 г.) стояла во главе сопротивления словаков против господствующего клеро-фашистского режима коллаборантов, так же как и против немецких войск.

В 1948–1968 гг. в рамках программы строительства социализма индустриализация и урбанизация Словакии достигли необыкновенного размаха. Неоспоримым фактом был рост образовательного и культурного уровня населения, постепенное превращение первоначально патриархально-деревенского общества в общество аграрно-индустриального и городского типа (урбанизация). В то же время общественная система социализма предоставляла наименее образованным социальным сло-

ям весьма высокий уровень социальной защиты и значительное социальное и медицинское обеспечение.

Интервенция войск Варшавского Договора в Чехословакии в 1968 г. и последующая нормализация приостановили не только процессы политической плюрализации и демократизации, но и первые тенденции проникновения информационно-технологических инноваций, реструктуризацию промышленности, прежде всего металлургии и тяжелого машиностроения.

Собственно говоря, только политические изменения в 1989 г. открыли двери типичным системным глобализационным, способствующим модернизации тенденциям, которые хотя и несут за собой неизбежный социальный риск и социальные проблемы, проявляющиеся главным образом в безработице молодежи, но в то же время предоставляют огромный исторический шанс развивать и использовать освобождающийся творческий потенциал индивидуальной личности как неисчерпаемый источник богатства общества в информационную эру.

Не все словацкие социологи, специализирующиеся по проблематике молодежи, связывали трансформационные процессы в области политической и экономической жизни с таким типичным элементом модернизации, каковым является информатизация. И.Сухи еще осенью 1992 г. с сожалением констатировал, что информатизация стала составной частью жизни словацкого общества как-то незаметно и слишком в тени демократизации и приватизации. Он утверждал при этом, что именно благодаря информатизации трансформационные изменения достигли не только таких высоких темпов и такой степени комплексности, но и перспективности, вследствие чего эти изменения приобретают эпохальное значение и эмансипационный гуманный смысл. По его мнению, информатизация продвигает общественное воспроизводство «...по оси исторического развития от современного индустриального общества к постиндустриальному информационному обществу, которое в настоящее время воспроизводит новые постмодернистские ценности и стандарты общественной жизни» [2; 8].

По истечении времени можно констатировать, что использование компьютерной технологии и интернета вносит неоспоримые и весьма очевидные модернизационные элементы в экономическую и общественную жизнь, причем эта тенденция реализуется прежде всего посредством молодого поколения.

Множество исторических событий и социологических фактов свидетельствует о том, что именно благодаря долгим годам солидарности культурно более зрелого чешского народа Словакия после 1918 г. могла успешно завершить на переломе тысячелетия те задачи модернизации, которые соседние страны совершили уже в конце XIX в. К этому относится и спорное решение чешских и словацких политических верхов о разделении Чехословакии (В.Клаус и В.Мечиар), которое ныне уже воспринимается не только как следствие стремления словаков к независимости, но и как неизбежный шаг на пути к достойной интеграции в Европейское сообщество.

Тот факт, что судьба Словацкой Республики на этом пути несколько отличается от судьбы Чехии, Польши и Венгрии, можно объяснить тем, что, в отличие от них, **она лишь в 1993 г. став самостоятельной, завершила свою 80-летнюю модернизационную траекторию построением собственного государства.** В борьбе с господствующими коалиционными политическими структурами (Движение за демократическую Словакию, Словацкая национальная партия), благодаря деятельности многочисленных гражданских инициативных групп и движений, поддержке и организации протестных действий, а также благодаря активизации молодых избирателей до 24 лет, **была достигнута цель в парламентских выборах 1998 г. — демократический характер республики.** Важным следствием этой борьбы является то, что большие группы молодых граждан приобрели полезный гражданский опыт, что, в свою очередь, является предпосылкой формирования гражданского потенциала, необходимого для функционирования плюралистической парламентской демократии.

Молодежь в контексте социологической теории постмодернизации

Центральной фигурой исследований на тему общественного контекста индивидуализации первого посткоммунистического поколения молодежи стал немецкий социолог Ульрих Бек [4]. В настоящее время он считается «вожаком» немецкой социологии, выступающим против современной пропаганды постмодернизации [5], а сам себя он представляет как сторонник «рефлексивной модернизации» [6]. Его теория современных обществ, касающаяся развитых западных индустриализованных стран, в которых существует **противоречие между производством экономических ресурсов (богатства) и производством социального риска**, механически была использована для объяснения положения в трансформирующихся европейских странах реального социализма. У.Бек определил

индивидуализацию как общественный сдвиг небывалого до того времени размаха и динамики, который стал продолжением использования достижений модернизации после Второй мировой войны. Кажется, что общественное положение во всех богатых западных индустриальных странах, особенно в Германии, характеризуется относительно высоким материальным жизненным уровнем и высокой степенью социальной защиты. В результате этого была нарушена, по мнению У.Бека, историческая непрерывность, вследствие которой люди были вырваны «...из традиционных классовых условий и обеспечения семьи и усилилась их зависимость от собственной индивидуальной судьбы на рынке труда со всем риском, шансами и противоречиями» [4].

В восьмидесятых годах в немецкой социологии молодежи был создан новый образ молодых людей, который был основан на тезисе Бека о так называемой индивидуализации. И.Рихтер (в настоящее время директор Немецкого института молодежи в Мюнхене) описал в кратких тезисах образ немецкой молодежи следующим образом [7; 64]:

Семья — более позднее заключение брака, рост численности одиноко живущих людей, превращение супружества в партнерство.

Образование — диверсификация образовательной карьеры и удлинение периода образования, демократизация педагогического стиля.

Работа — новые связи между образованием, безработицей, дальнейшим образованием, акцент на индивидуальную самореализацию на работе.

Культура — жизнь групп молодежи религиозного, спортивного, политического типа обуславливает многообразные медиально опосредованные отношения и сетевые системы, которые способствуют тому, что молодежь более тесно примыкает друг к другу, но, с другой стороны, это вызывает и более высокий риск изолированности.

Политика — индивидуализация в этой области проявляется прежде всего в более низком участии молодежи в формировании политических структур.

Повседневность — в моде, сексуальном поведении и коммуникации реализуются формы поведения, навязываемые средствами масс-медиа и опосредованные молодежными группами, которые часто описываются как гедонистические.

В течение всего периода нашего сотрудничества с многими европейскими специалистами по проблематике молодежи после 1990 г. мы могли наблюдать, как в недрах рождается движение сопротивления и критики, стремящееся специфицировать теорию индивидуализации и нивелировать ее последствия и в области формирования европейской молодежной политики в странах Европейского сообщества.

К.Робертс понимал интерпретацию индивидуализации как реструктуризацию положения молодых людей, при котором длительный переход в сферу труда и взрослости создает «мораториум», во время которого молодые люди могут избавиться от старых детерминантов их жизненных шансов, например, пола, социально-классового происхождения и результатов, достигнутых в средней школе. Он, исходя из условий в Англии, подчеркивает, что в действительности старые социальные предпосылки сохраняют свою силу. Положение молодых людей и перспективы в будущем обусловлены их происхождением, образовательным уровнем, полом и местом проживания [8].

Популярную тему эмпирической проверки постмодернистских изменений рассматривал и Л.Сюралла из Финляндии [9; 63]. Вопрос, заданный Сюраллой, звучит для социологов весьма знакомо: теряют ли традиционные социальные переменные свою интерпретационную силу? Ответ, по мнению цитированного автора, противоречив. Некоторые шведские авторы, исследования которых он рецензировал, пришли, по его мнению, к заключению, что выбор жизненного пути не столько связан с социальными переменными, как со специфическими качествами индивидов. Другие по-прежнему полагают, что социальный фон имеет «crucial effect» на жизненные проекты. Кажется, что все-таки прав К.Робертс, утверждая, что старые детерминанты действуют и сейчас, но в новых конфигурациях.

Ослабление семьи, соседских связей и религиозных сообществ и их контрольных функций должно проявиться в усилении стремления молодых людей к индивидуальности, т.е. в усилении такого типа сознания, который выражает чувство личной ответственности за собственные условия жизни и за построение собственного будущего.

О.Стафсенг из Норвегии полагает, что программа освобождения от конвенций и традиций, так же как и от любой механической формы коллективизма, т.е. то, что нам известно как программа современной индивидуальности, когда молодые люди сами определяют собственную жизнь, имеет свои

давние корни. Те, которые назвали ее постмодернистской, создали (согласно программе) лишь расплывчатую теорию с определенным идеологическим посланием, с помощью которого, кроме прочего, закрывают существующие социальные различия или же замалчивают факт, что, например, гражданство, как правовая и политическая основа для современной индивидуальности в значении личности, существовало первоначально лишь для мужчин и для лиц, принадлежащих к «более богатым» слоям общества [10].

Мы полагаем, что в настоящее время между социологами молодежи в Европе признается не только возникновение новых возможностей свободы выбора, но и новых форм угроз, и не только для молодых людей.

1. Притом во многих случаях (отсталые регионы, цвет кожи, этнические группы, гражданство той или иной страны) молодые люди не имеют возможности такого индивидуализированного выбора, как это предполагается в смысле упомянутой теории индивидуализации.

2. Следует допустить, что индивидуальное действие (меритократия) имеет растущее значение, а диверсификация или индивидуализация жизненных стилей находится в движении, особенно там, где возникли для этого условия вследствие более высокого уровня модернизации (индустриализация, урбанизация, информатизация, секуляризация).

Действительность свидетельствует, что процессы индивидуализации не наблюдаются повсеместно, а их следует связывать, прежде всего, с крупногородскими регионами. Это можно продемонстрировать и на примере Словакии. Регион Братиславы, благодаря своему положению между Венной и Будапештом и своей собственной инфраструктуре, предоставляет больше рабочих мест и дает больше возможностей для образования. Некоторые регионы средней и восточной Словакии превращаются почти в «голодные долины», в которых нет никакого выбора. Здесь существует лишь **фрустрация несбывшихся и несбыточных желаний и стремлений**.

Индивидуализация в рамках плюрализации транзycji к взрослости

Неоспоримо то, что образцы молодежных транзycji от детства к взрослости в Словакии весьма разнообразны и наблюдается отход от традиционных нормативных ожиданий [11]. Причем это изменение происходит во всех решающих блоках перехода (образование и трудовая практика, отделение от родительской семьи, создание нового партнерства, вступление в рынок труда, потребительское поведение, деятельность в свободное время, гражданская, политическая и культурная партиципация).

Важным фактом для понимания процессов индивидуализации является то, что:

а) в определенных областях своей жизни молодые люди получают **высокую степень автономности**, возможность выбора альтернатив или же индивидуального подобию повседневности (мода, деятельность в свободное время, культура речи, политическая артикуляция);

б) этот процесс протекает в **нестабильном социальном контексте**, в котором социальная позиция «постадолесцента», или «молодого взрослого», является временной и неопределенной главным образом потому, что уверенности в реализации их собственных жизненных планов в будущем не существует. Молодые люди, следовательно, могут и очевидно приобретают автономность и ответственность в определенных областях (например, потребление, партнерство), в которых это типично для взрослых, но статуса взрослого они еще не имеют, но, что хуже всего, они могут не приобрести его вовсе.

Прежде всего, **дисконтинуальность** (прерывистость, отрывочность, шаговость) и **некозистентность** (т.е. иногда от него ожидается ответственность как от взрослого, а иногда допускается безответственность как у ребенка) **процесса транзycji от adolescence к взрослости представляют, согласно Л.Чизхолму и К.Харрельману, фундаментальный фактор риска [12; 133]**.

Все молодые люди, независимо от своего социального происхождения, вступают в «структурные противоречия» молодежной жизненной фазы и имеют возможность оптимизировать свои жизненные шансы на приобретение соответствующего социального положения. Государственная молодежная политика в каждой стране, в том числе и в Словакии, должна была бы учитывать в своей концепции результаты социологической рефлексии гипотезы: «Если личностная компетенция достаточна и социальные ресурсы доступны, молодые люди могут найти и найдут продуктивные способы, как успешно преодолеть транзycию... там, где компетенции и ресурсы недостаточны, транзycия выливается в бедное существование» [12; 152].

Социологическая рефлексия молодежи в Словакии

Неоспоримо, что современные изменения в образе жизни молодежи в Словакии можно объяснить приведенной выше теорией индивидуализации. Так, например, наблюдается нарушение строгой периодизации между отдельными этапами жизни. Все чаще проявляется, особенно у молодых людей, взаимосвязанность жизненных сфер (образование связано с краткосрочной работой, постоянная работа — с различными типами переквалификации). В поисках собственной идентичности и для обогащения собственного социального портфолио молодежи предоставляется больше возможностей для кратковременного проживания за границей (например, в качестве au-pair) с целью усвоить английский или немецкий язык.

Углубляется тенденция иного генерационного восприятия институциональной трансформации к рыночной экономике и плюралистической демократии. Молодое поколение, вступающее в трудовой процесс, по истечении 10 лет после ноябрьских событий 1989 г., уже не понимает общественных системных изменений так досконально, как то молодое поколение, которое было свидетелем этих событий, потому что в состоянии переходного периода, точно так же, как они сами, находится и общество, в котором оно живет. Молодое поколение все чаще задает себе вопрос, почему процесс трансформации еще не завершился, и общество еще не начало успешно развиваться. Сталкиваясь с социальными проблемами, оно ставит вопрос, почему оно должно было стать после 1989 г. жертвой трансформации, а после 1998 г. жертвой демократизации политической системы, если в обоих случаях именно оно было двигателем общественных изменений [13].

Еще недавно мы могли согласиться с английским профессором Кеном Робертсом в том, что безработицу молодежи можно было понимать и в Словакии как массовую социальную проблему, однако еще не как действительный кризис такого масштаба, который бы угрожал основам нового общества. С тех пор многое изменилось, и *процент безработных увеличился с 12–15 % в 1990–1998 гг. до 20–22 % в 1999–2000 гг., а в некоторых регионах и до 30 %.*

Безработица коснулась уже не только молодых выпускников школ, но и взрослых — целых коллективов предприятий и организаций — родителей огромной армии взрослеющей молодежи. *Но даже не в этом сущность проблемы.*

Всем кажется, что безработица начинает действительно угрожать не только самой молодежи, взрослым или же целым регионам Словакии. Дело в том, что общественность перестала воспринимать ее лишь как причину социальных проблем. Все чаще безработица интерпретируется как следствие неспособности политических верхов развивать гуманно ориентированную стратегию модернизационных изменений или же как следствие их ошибок в стратегических решениях, которые совместно с растущей коррупцией как раковая опухоль — метастазами заражают все, что представляет моральную основу интегральности всего общества.

Интерпретации в таком духе подтверждаются результатами нашего социологического исследования. Речь идет о двух обнаруженных фактах. Молодежь полагает, что правительственная политика в Словакии не обеспечивает равенства шансов для жизни. Молодые люди думают, что для них будет лучше, если они будут связывать свое личное благосостояние не со Словакией, а прежде всего с благосостоянием Европы. В социологическом исследовании молодых людей из 8 областных городов в Словакии (январь 2000 г.) мы предоставили им возможность оценить политику, реализованную в Словакии, посредством 5 критериев: справедливость, производительность, компетентность, солидарность, прогностичность. Каждый критерий они могли оценивать отметками по пятибалльной системе. Самой лучшей отметкой была 1, а самой худшей — 5. Мы обратили особое внимание на самые худшие отметки — 4 и 5.

Политика в Словакии в январе 2000 г. оценивается как критическая, особенно по тем критериям, по которым доля таких отметок (4 и 5) колеблется около 50 % голосов. Такой результат был достигнут по трем критериям:

- а) **политика не справедлива**, т.е. не предоставляются равные шансы всем, — всего 60,5 % голосов;
- б) **политика не производительна**, т.е. не дает надежды, что действительно что-то сделает и поведет дело к лучшему, — всего 58,3 % голосов;
- с) **политика не компетентна**, т.е. не реализует продуманные и целенаправленные мероприятия, — всего 47,2 % голосов.

Тот факт, что наиболее значительный дефицит политики в Словакии проявляется в области социальной справедливости, является важным сигналом о растущем отчуждении молодых граждан от общества. Принцип равного доступа к ценностям, шанс на справедливую оценку в конкурентной борьбе за позиции на рынке образования и на собственном рынке труда — все это принципиальные вопросы интегрирования молодого поколения в общество.

Молодые люди надеются, что в будущем они сами будут жить лучше (54,4 %), хотя все общество в Словакии будет жить хуже (46,1 %). Факт, что особенно Европа представляет собой в глазах молодых словаков более оптимистический вариант будущего благосостояния (лишь 24,3 % считают, что хуже), заставляет нас предполагать, что личное благосостояние связывается с перспективой интеграции Словакии в Европейское сообщество.

Индивидуализированные стратегии словацкой молодежи при рефлексии угрозы.

Жизнь в постмодернистском обществе является составной частью исторического процесса перехода от коллективизированных к индивидуализированным личностям и связана с субъективным восприятием угрозы и неуверенности. То, что, на наш взгляд, является особенно важным в современной социологии молодежи, — это резкая, эмпирически обоснованная критика постмодернистских теорий об индивидуализации молодежи, которые подчеркивали лишь то, что глубокие изменения в семье, школе и на рынке труда зависят от индивидуальностей, способных осуществлять выбор. Однако свобода выбора в контексте свободного рынка труда дает преимущества тем молодым людям, которые имеют достаточные экономические, социальные и культурные ресурсы осуществить такой выбор, иначе говоря, организовывать свою жизнь, строить рациональным образом собственное будущее и формировать собственную солидную личность [14].

Богатая социологическая литература и наши эмпирические данные показали, что индивидуальная свобода производит и аномиию. Отщепенцы создают как реакцию на отчуждение от образовательной и рыночной системы свой собственный мир, специфические субкультуры, банды и секты с собственными правилами, поощрениями и санкциями. Невозможность сделать какой-либо выбор выливается в маргинализацию многих молодых людей, которые меняются на плохих мальчишек (бандитские группировки) и веселых девчат (проституция). Многие сумели на индивидуальном уровне справиться с ловушками и неожиданностями этого мира. Позвольте мне упомянуть некоторые типы реакций на возникшее положение дел.

В Словакии появились старые, хорошо знакомые типы **«вечных студентов»**, известные нам из художественной литературы со времен первой республики, которые будут учиться всю жизнь и никогда не вступят на рынок труда.

Или же это будут типы **«новых спасителей»**, сгруппированных в религиозные секты разного типа, которые находят свое личное счастье в уверенности и солидарности нового сообщества. Наблюдаются первые сигналы о **«золотой молодежи»** из хорошо обеспеченных капиталобразующих слоев в Словакии, члены которых являются сторонниками философии беззаботной жизни в приятельской атмосфере среди таких же ровесников — детей «весьма важных персон», без стрессов от конкуренции на рынке труда.

Сегодня мы уже знаем, что не эксперты-программисты, а «дети ветров — цыгане» стали первой группой словаков — еврограждан, которые обнаружили выгоды социального обеспечения интегрированной Европы. Политика Финляндии, Англии, Бельгии по отношению к беженцам косвенно поощряла **цыган как первых еврограждан Словакии** к тому, чтобы они нашли отвагу покинуть материнский корабль, называемый Словакией. Они реагировали быстро и в духе рефлекторной модернизации, поскольку они не верят тому, что Словакия в ближайшее время бросит якорь в пристани благосостояния Европейского сообщества.

Исследование молодежи, не имеющей длительное время работы, в Польше, Венгрии, Словакии и Болгарии [15] подтвердило, что кроме большой группы молодежи, настойчиво ищущей работы, сформировалась также и группа новых любителей свободного времени, которых устраивает мягкая система социальной сети и которые умеют отлично лавировать на грани правил и злоупотреблять добротой своих родителей и сочувствием широкого круга родственников.

Значительная доля молодежи попадает в настоящее время на край общества и в личную изоляцию, из плена которой не имеет внутренних сил и предпосылок выбраться вон. Недостаточный социальный опыт коммуникации между людьми, или же ослабленная психика и плохое состояние здоровья проявляются в том, что психологические консультации и психиатрические больницы переполня-

ются молодыми людьми, которые не сумели получить или удержать работу, найти партнера или создать семью.

Наконец, здесь имеются новые члены дружины **Яношика (словацкого Робина Гуда)**, которые ранее хорошо зарабатывали на шахтах, поскольку общество хорошо оценивало их физически тяжелую работу и отвагу riskовать собственной жизнью под землей. Сейчас одна часть ориентируется на предоставление хорошо оплачиваемых охранных услуг для предпринимателей, в то время как другая часть сосредоточивается на деятельности своего рода «негосударственного» перераспределения прибыли тех же самых предпринимателей.

Некоторые из этих группировок молодежи следует воспринимать как сигналы, которые возникают как реакция на новые постмодернистские условия жизни в Словакии. Это альтернативы, которые не обязательно должны нам нравиться, в действительности представляют собой новые формы жизненной стратегии, которые будут уже в ближайшем будущем «нормальными» или «типичными». Сейчас речь идет о том, чтобы Словакия не стала местом, где будут, с одной стороны, лишь малообеспеченные, а с другой — золотая молодежь и молодые разбойники.

Формирование молодежной политики.

Не все умеют преодолевать на индивидуальном уровне препятствия и неожиданности этого мира. В настоящее время мы надеемся на коллективистскую солидарность посредством государства и на его перераспределительные функции, так же как и на коллективную борьбу трудящихся с работодателями (Чамбаликова, М., 1968). Мы вступаем в период принципиальной коррекции уже существующей концепции государственной политики молодежи, в центре внимания которой до сих пор была главным образом деятельность молодежи в свободное время и область гражданской партиципации молодежи. В новой концепции обращается внимание на область политики образования, занятости, а также на социальную профилактическую работу с молодежью, которая оказывается вследствие безработицы на краю общества.

В Словакии интенсивно обсуждается комплексная концепция государственной политики молодежи, в которой было бы выражено стремление общества заключить новый социальный договор между молодым поколением, как со значительной гражданской и политической силой, и старшими группами. В нашем случае социальный договор между поколениями можно понимать как готовность и желание молодых людей исполнять свои обязанности по отношению к обществу и готовность общества (государства) способствовать реализации индивидуальных жизненных программ молодых людей, чтобы обеспечить элементарную социальную справедливость — равные шансы для всех.

Список литературы

- 1 Machonin P. Teorie modernizace a česká zkušenost. In: Ekonomické a společenské zmeny v české společnosti po roce /L.Mlčoch, P.Machonin, M.Sojka.Nakladatelství karolinum, UK v Praze, Praha, 1989, p. 274.
- 2 Suchý J. Situácia mládeže v transformácii Slovenska // Mládež a spoločnosť, 1992, 4, p. 8–14.
- 3 Machacek L. Sociologické aspekty občianskej participácie a združovania mládeže. SSS SAV, Bratislava, p. 60.
- 4 Beck U. Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne, Frankfurt-Main, 1986.
- 5 Vlácil J. Modernizace v pojetí Ulricha Becka. Sociologický časopis, 2, 1996, p. 243.
- 6 Beck U. Nalézání politična. Sociologický časopis, 2, 1996, p. 131–142.
- 7 Richter I. Nové epochy sa nezačínajú prvý raz. In: Individualizácia mládeže a modernizácia spoločnosti SÚ SAV. Bratislava, 1995, p. 7–22.
- 8 Roberts K. Individualizácia a ohrozenie mládeže v Európe. In: Individualizácia mládeže a modernizácia spoločnosti SÚ SAV, Bratislava, 1995, p. 45–58.
- 9 Siuralla L. Holes into the blackbox of school experience. Studies on youth and schooling in Sweden // Young. Nordic Journal of Youth Research, 4, 2, 1996, p. 60-64.
- 10 Stafseng O. Kritika vágných teórií o postmodernoti a mládeži. In: Individualizácia mládeže a modernizácia spoločnosti, SÚ SAV. Bratislava, 1995, p. 7–22.
- 11 Wallace C., Kovacheva S. Youth in Society. Macmillan Press Ltd., London, 1998, p. 243.
- 12 Chisholm L., Hurrelman K. Adolescence in Modern Europe. Pluralized transition pattern and their implications for personal and social risks // Journal of Adolescence, 1995, 18, p. 129–158.
- 13 Machacek L. Youth and Creation of Civil Society in Slovakia. Sociologia-Slovak Sociological review, 3, 2000, p. 241–256.

14 Kuure T. Making and Breaking Borders. Abstract from Nyris, Helsinki, 2000, p. 17.

15 Machacek L. Slovak Youth Attitudes toward the Market Challenges, Sociologia, 1995, 7–8.

16 Čuprov V.I., Zubok J.A. Molodež v občestvennom vosproizvodstve: problemy i perspektivy. RAN-ISPI, Moskva, 2000, p. 116.

Л.Махачек

Словакиядағы жастар: модернизация және постмодернизация

Мақалада модернизация теориясының негізінде Словакия жастарының өмірлік үдерістері зерттелген, ұзақ уақыт бойындағы тұрғылықты халықтың білім берудегі және мәдени деңгейі, сондай-ақ алғашқы уақыттағы патриархалдық-ауылдық қоғамның аграрлы-индустриалдық және қалалық түрге ауысуы көрсетілген. Ақпараттық өзгерістер Словакияда тек қана трансформациялық өзгерістердің және біріктірілудің де жоғары дәрежеге жетуіне ғана емес, яғни, жағымды нәтижелерге қол жеткізуге негіз болды. Мақала авторы қазіргі әлеуметтанушылардың Еуропа жастары арасында тек қана таңдау еркіндігі ғана емес, сонымен қатар оның кереғар салдарларының да бар екенін мойындап отырғаны жайлы жазған.

L.Mahachek

The youth in Slovakia: modernization and postmodernization

In the article Slovakia youth's life processes in the frames of the modernization theory are investigated, the growing of people's educational and cultural level during the long time is shown, and gradual change from the first patriarchal-village society into the society of agrarian-industrial and town types is pointed out. Because of informatization, the transformational changes in Slovakia reached not only high tempo and degree of complexity, and also perspectiveness. The author of the article guesses that in the present time between the sociologists of youth in Europe there are admitted not only occurrence of the new possibilities, but also the new variants (forms) of threat.